«Не позволяй счастливым очерстветь...»

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Сотни стихотворений, две собственные книги и полтора десятка сборников в соавторстве с другими поэтами, почётная грамота Союза писателей СССР и множество наград областного, а также районного уровня... И это всё о ней, о поэтессе из Гаврилов-Яма Людмиле Николаевой, жизнь которой стала настоящим преодолением. Преодолением себя и своей болезни, на долгие годы приковавшей её к постели.

Районный городок,
моя жар-птица,
С гурьбою деревенек
по краям.
Повсюду вижу
родственные лица,
Как музыка звучит:
Гаврилов-Ям.

Это стихотворение уже давно стало визитной карточкой Гаврилов-Яма и, положенное на музыку, даже превратилось в некое подобие его гимна. Вот только автора поэтических строк – Людмилу Николаеву, гавриловямцы, можно сказать, не видели никогда. И вовсе не потому, что она отличается особой скромностью, хотя и эта черта ей, несомненно, присуща. Главной же причиной затворничества поэтессы является тяжёлая болезнь, не позволяющая ей покидать пределов квартиры. Но жизненное пространство, сузившееся до размеров комнаты, не мешает душе путешествовать по бескрайним просторам Вселенной и черпать там вдохновение.

Когда Луна и ночи так тихи
И не сомкнуть
усталые ресницы,
Рождаются
в моей душе стихи,
И просятся
на чистые страницы.

Пишу, не разбирая,
что пишу –
Люблю, страдаю,
верю и не верю.
Пишу, как будто
милости прошу,
Я никогда в стихах
не лицемерю.

Лишь ты поймёшь меня,
читатель мой,
Вот почему я
этой встрече рада.
И пусть грущу
или хандрю порой,
Твоя улыбка –
лучшая награда.

Маленькая Люся росла в многодетной семье, где кроме неё было ещё четверо братьев и сестёр, и с самого детства отличалась буйной фантазией. Больше всего она любила сочинять сказки, первыми слушателями которых становились все окрестные ребятишки.

– Сначала я просто пересказывала им Пушкина, потому что многие из его произведений знала наизусть, – вспоминает Людмила Алексеевна. – Но когда запас знаний иссяк, а интерес попрежнему не угасал, пришлось начать сочинять самой. Так вот и придумывала. Часто зимой родители загоняли нас всех на печку, чтобы не вертелись под ногами, а мы только того и ждали – накрывались одеялом и рассказывали сказки. Даже соседские ребятишки прибегали на эти «посиделки».

Детство, выпавшее на суровую военную пору, тем не менее запомнилось будущей поэтессе именно этими сказками, тёплой русской печью и шёпотом друзей и подруг рядом. А потом на смену радости пришла боль...

В шесть лет Люся заболела полиомиелитом, и эту страшную болезнь быстро распознать тогда не смогли, да и лечить толком не умели. После осложнений девочку могла ждать в будущем только инвалидность. Но, несмотря на то, что ноги и руки с каждым годом слушались всё хуже и хуже, она находила в себе силы учиться, сдавая экзамены экстерном. В это же время в школьных тетрадках в линейку появились и первые поэтические строчки. Правда, робкие попытки сначала оказались не очень удачными.

– Папа, как-то увидевший мои стихи, поинтересовался, почему я их никуда не посылаю, а пишу, что называется, «в стол», – рассказывает Николаева. – И тогда я решила отправить свои «опусы» в «Пионерскую правду». Пришедший ответ вовсе не обрадовал, ведь в нём рекомендовалось подождать до пятого класса, когда в школе

проходят основы стихосложения, и лишь после этого повторить попытку.

На смену детству пришла романтичная юность, которую не зря называют порой расцвета человека. Расцвёл в эти годы и поэтический талант Людмилы Николаевой, хотя за кажущейся лёгкостью слога стоял и ежедневный упорный труд, и зачёркнутые строки, и неутомимый поиск той, единственно возможной рифмы, фразы, слова. Девушка не только с упоением писала стихи, но ещё и много читала. Самым же любимым автором для неё попрежнему оставался Пушкин.

Конечно, Людмила Алексеевна ни в коей мере не претендует на сравнение с гением русской литературы, но свою долю признания она всё же получила. В активе провинциальной поэтессы две собственные книги, а также полтора десятка сборников, изданных совместно с другими авторами, и почётная грамота Союза писателей СССР как победителю конкурса творческой молодёжи. Стихи гавриловямской поэтессы переведены на украинский язык.

– У меня стихи рождаются обычно с трудом, – говорит Людмила Алексеевна, – хотя случился в моей практике один «урожайный» день. Помню, было лето, всё вокруг цвело и благоухало. Я выбралась тогда на крылечко и любовалась берёзами под окном, а прямо перед домом распускались недавно посаженные мамой тюльпаны. И такое вдруг нашло вдохновение от этой красоты, что к вечеру в тетрадке появилось сразу семь стихов. Причём все семь получились хорошими.

И хотя самый плодотворный день поэтессы Николаевой, как оказалось, выпал на лето, её любимым временем года всё же остаётся осень, навевающая большинству из нас грустные мысли. А к ней приходит в эти дождливые, унылые дни вдохновение, и рождаются удивительные по красоте поэтические строки:

Ах, осень, пахнет
сеном и грибами,
И солнца луч
уже не так горяч.
Прохладный ветер
нежными губами
Из дудочки
выплёскивает плач.

Она рыдает,
жалуясь лукаво,
Что не сбылись
заветные слова,
Уходит лето,
как уходит слава,
И только боль
пока ещё жива.

Уже совсем недалеко
до стужи,
С берёзки облетит
густая медь.
Плачь, дудочка,
тревожь людские души,
Не позволяй
счастливым очерстветь.

Сегодня Людмила Николаева, несмотря на недуг, по-прежнему живёт полноценной творческой жизнью – читает, пишет новые стихи, общается по телефону с друзьями, которых у неё немало и за пределами Ярославской области. А помогает ей, всегда находясь рядом, сестра Надежда. Она же и первый слушатель, и доброжелательный критик, и переписчик.

Именно руку Николаевой-младшей хорошо знают и в редакции «Гаврилов-Ямского вестника», где нередко печатается Людмила Алексеевна. Районная газета осталась на сегодня едва ли не единственной трибуной, с которой поэтесса может разговаривать с почитателями её таланта. И хотя стихов не стало за эти годы меньше, издание книг требует значительных средств. Их-то у Николаевой как раз и нет, но ей вполне хватает любви и признательности читателей районки.

Хочу на улицу, хочу
Пойти с друзьями в клуб.
Позволю тёплому лучу
Моих коснуться губ.

Я луч поймаю в кулачок
И выпущу в траву –
Пусть порезвится, дурачок,
Пока не позову.

Войду в старинный
тихий дом:
Царевич, где же ты?
Он улыбнётся, а потом...
Кончаются мечты.

Но пусть мечты Людмилы Николаевой никогда не кончаются. А её читатели с нетерпением ждут новых стихов поэтессы, в которых будет всё – и любовь, и нежность. Ведь таланту ничто не может помешать воспарить над обыденностью, даже тяжёлая болезнь.

Татьяна КИСЕЛЁВА.